

УДК 316.344.232(470.5) + 398

А. С. Никитин

ДИНАСТИЧЕСКИЙ МИФ В УРАЛЬСКОМ ТЕКСТЕ

Рассматривается процесс мифологизации династий заводовладельцев Демидовых, Строгановых, Турчаниновых в качестве уникального феномена духовной культуры Уральского региона. В художественном, публицистическом и научном дискурсах поля уральской словесности формируются особые рамки восприятия этих исторических личностей. Ориентиры их символическо-культурной трансформации задаются архетипическими представлениями о роде как способе интеграции и принципе выстраивания жизненного пути. Выявляются диалогические связи между нарративами о предпринимательских родах в фольклоре, литературе, публицистике и историографии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: род, династия, миф, нарратив, Демидовы, Строгановы, идентичность, культурная память, традиция, региональная самоидентификация.

Подъем уральского краеведческого движения в последние три десятилетия, скрупулезное изучение локальной истории и переоценка культурного багажа актуализировали целый ряд знаковых теорий. Продолжая многовековую традицию поиска региональной самоидентификации, исследователи реконструируют образ Урала в концепциях, которые призваны не только играть роль туристического бренда, «витрины» для остальной России, но также быть объединяющим началом так называемой «уральской расы». При этом создание историко-культурных мифологем, адекватных современной эпохе, может носить как официальный характер (разрабатываемые муниципальными и областными властями комплексные программы «Екатеринбург — столица Урала», «Урал — граница двух континентов» и «Романовы»), так и частноинициативный (проект Уральской республики А. А. Бакова) или условно-народный («Аркаим как прародина индоевропейских племен», «Рифейские горы как ось мира») [см.: Новопашин].

Между тем буквально на поверхности лежит уже готовый к использованию миф, изначально подчиненный задаче обретения искомой самобытности и не утративший своей актуальности за несколько веков. Достаточно проследить общие тенденции осмысления феномена *горнозаводской цивилизации* (термин П. С. Богословского) за последние четыре столетия, чтобы выявить крайне любопытную закономерность. В художественном, публицистическом, научном дискурсах образ Урала вырастает и структурируется в виде нарративов о жизни и деятельности крупнейших предпринимательских династий Демидовых, Строгановых, Турчаниновых, Харитоновых, Яковлевых-Собакиных, Походяшиных, Злоказовых, Поклевских-Козелл, Абамелек-Лазаревых и мн. др. Причем конституирующую роль в этих нарративах выполняют родовые представления, специфически реализующиеся в уральских условиях.

Уточним, что используемые нами термины «миф», «мифологизация» в полной мере имманентны озвученной проблеме — поиску основ уральской идентичности,

восходящей к той области человеческого бытия, в которой сливаются воедино личность и общество, материальная жизнь и мировоззрение, мышление и поведение, сознание и бессознательное, т. е. ментальности. Одной из основных ее характеристик является архетипичность — глубокая связь с «врожденными», инстинктивными первообразами, несущими априорное знание. В человеческом сознании архетипы, концентрирующие исторический, социокультурный опыт и духовные ориентации, проявляются не через понятия, а через образы, являясь источником мифологии. Базой для существования мифа является община, нечто целое, скрепленное родовыми, клановыми, конфессиональными либо другими органическими связями. Миф живет в каналах этих связей, циркулируя или перемещаясь в пространстве и во времени — в поколениях. Собственно, поэтому можно вести речь о мифологизации действительности без строгой ее привязки к хронологическим рамкам «дологических обществ» с присутствием им в чистом виде «мифологическим мышлением».

Миф как «коллективное сознание», по мнению Е. Левкиевской, является существенной социальной силой, «способом самоидентификации общества в мире, его отождествления с той или иной культурной, этнической или политической традицией, поскольку отвечает на вопросы “кто мы?”, “какова наша система ценностей?”, “что такое хорошо, что такое плохо?”. Миф задает ту или иную “систему координат”, “точек отсчета”, относительно которых определяются исторические и современные события; позволяет упорядочить, гармонизировать мир» [Левкиевская, 67–68].

Кроме того, мифология (обязательный фундамент всякой культуры), по глубокому суждению З. Мамардашвили, — это «память о том, чего не было и нет; память в смысле машины, которая организует саму способность человека помнить» [Мамардашвили, 30]. В этом смысле рассматриваемые нарративы, бытующие в предзаданных мифологических границах, будут иметь статус «определенных идей или образов, которые призваны создавать длительности (традицию), скреплять коллективы» [Макаров, 8] — словом, включаться в непрерывный процесс транслирования культурной памяти.

Дворянские роды Демидовых, Строгановых, Турчаниновых, непосредственно связанные с историей освоения края, оставили свой неизгладимый след как в промышленном и культурном наследии, так и в сознании людей. Поэтому в фольклоре, литературном пространстве, исторических и краеведческих исследованиях сформировался особый взгляд на фундаторов уральского мироустройства. Представители каждой из этих фамилий не рассматриваются изолированно, обособленно, в отрыве от остальных членов своего рода (т. е. развернутого во времени целого), а всегда включены в отношения «предок — потомок». Поступки, образ жизни, даже характер любого из них выступают неким более или менее значимым этапом эволюции рода. Более подробно остановившись на словесном уровне культурно-семиотического пространства и очертив остальные, попробуем проследить, каким образом в них функционируют массовые представления о знаковых исторических личностях, а также какую роль в этом играют архетипические знания о роде. Художественное освоение исторического наследия, образное воплощение «узловых» моментов жизнедеятель-

ности населения в устно-поэтической и письменной традициях помогают реконструировать картину мира, которая доминировала в надындивидуальном сознании людей Уральского региона.

В процессе творчества кодируются определенные мнемонические программы, задающие ценностные рамки, каноны восприятия, жанровые формы — все то, что определяет своеобразие эстетической традиции. Наделение образов первых Демидовых и Строгановых качествами и функциями «основателей» и «стабилизаторов» жизни предопределило ориентиры их последующей символическо-культурной трансформации. Идея рода, несущая на себе отпечаток уральской действительности, становится тем базисом, на котором выстраивается «демидовский»/«строгановский» тексты.

Преимственность поколений для промышленного региона, каким с самого начала позиционировал себя Урал, становится по-настоящему важной в связи с традициями «семейного бизнеса». Распространение династий заводчиков-магнатов, олицетворявших с конца XVI до начала XX в. в глазах современников урало-сибирские земли, спровоцировало своеобразный культ родового дела, который подпитывался с разных сторон, а порой и прямо насаждался. Не удивительно, что угасание интереса к управлению заводами или же плохое («неправильное» — со сторонней точки зрения) управление в целом осмыслились в драматическом ключе, что неизменно порождало сюжетно-тематические конфликты, столкновения, противоречия и т. п. В этом случае превалировали идеи забвения родительских традиций и ценностей, «вырождения» династии.

Кроме того, типологизация горнозаводских миллионщиков по человеческим качествам и их управленческим способностям, а также масштабы и стремительность, с которой они ворвались в экономическую элиту (иначе говоря, оказались в нужное время в нужном месте; вспомним в этой связи выражение Д. Н. Мамина-Сибиряка «дикое счастье»), статус абсолютных «царьков» в своих владениях способствовали возникновению бесчисленного множества слухов, толков, легенд, преданий. Причем нарративы фольклорного происхождения не замыкаются в среде устного бытования, а зачастую в неизменном виде используются в литературных произведениях разных эпох, служат непосредственным источником для воплощения художественных образов. Точно такое же влияние сомнительных с научной точки зрения источников испытывают различного рода исторические исследования: документальные биографические сведения о родах Демидовых, Турчаниновых, Строгановых вплоть до наших дней перемежаются с мифами, предположениями, неподтвержденными данными.

Если для художественных текстов подобная рецепция абсолютно органична и приемлема, так как значительно обогащает варианты сюжетных коллизий, образно-смысловое их наполнение, то для сферы научных изысканий ситуация парадоксальна. Неразличение природы источников, их жанровой специфики, сведение к единым функциям исторического нарратива позволяет говорить о границах мифа, за которые неосознанно верующие в него исследователи выйти не в состоянии. Однако мифологизация истории не равнозначна осознанным фальсификациям прошлого под влиянием каких-либо конъюнктурных соображений. Суть в том, что «рациональные, научные построения ничуть им [мифам]

не противоречат, поскольку работают внутри их, на их основе» [Балла, 42]. Получается, что именно историомифичность, контаминация правды и вымысла являются наиболее полным, репрезентативным способом оценки и характеристики рассматриваемых деятелей.

Такое положение вещей складывалось из совокупности ряда факторов. Это и реально существовавший исторический феномен «государства в государстве», поскольку на Урале заводовладельцы пользовались неограниченными возможностями и фактически никому не подчинялись. Не случайно в языке закрепились такие устойчивые выражения, как *демидовщина*, *демидовское царство*, *Демидов-царь* [см.: Немирович-Данченко, 661], а не так давно появилось словосочетание *строгановский регион*. Кроме того, это и активные демографические процессы, когда заводчики производили массовые закупки крепостных людей (дешевой рабочей силы) и переселяли на Урал целые деревни. Таким образом, в рамках сравнительно замкнутой местности оказывалось и местное население, и самостоятельно прибывающие потоки старообрядцев, и насильственно завезенные выходцы из самых разных уголков страны. По меткому выражению В. И. Немировича-Данченко, «Демидов здесь перемешал чуть ли не все племена земные» [Там же, 675].

Жизнь для большей части этого пестрого социального и этнического состава происходила, по сути дела, в новой, искусственно созданной среде, и пребывающие в ней осознавали себя новой породой людей. Процесс «нивелировки» бытовых и культурных традиций, утеря связей с родиной, родовыми корнями при этом были неизбежны. Урал для «пришлых» работных людей был «чужой сторонешкой», новой землей, которую в прямом и переносном смысле необходимо осваивать, строить свой мир как бы заново. Желание «объяснить» окружающие явления, укорениться, почувствовать неразрывную связь с новой родиной и землей способствовало рождению мифологически переосмысленных представлений. Наряду с уже существовавшей для первых колонизаторов и поселенцев Урала системой антропологических, этиологических, топонимических, эсхатологических мифов (о Беловодье, чуди, Великом Полозе и других тайных силах) начиная с XVII в. кристаллизуется своеобразный космогонический миф.

Активное участие первых Демидовых (Никиты и Акинфия), Турчаниновых (Алексея Федоровича), Строгановых (Аники, Григория, Якова и Никиты) в «мироустройстве» на уральских землях, всесторонней организации условий для жизни (упорядочение, победа космоса над хаосом), «даровании» жителям «культурных благ» (символично, что в памяти современников все основатели рассматриваемых династий остались не только профессионалами, но и искусными ремесленниками!) не могло не наделить их функциями культурных героев. В народной среде широко распространены предания о переселении целых деревень или о том, как Демидов «ссылных женил». Иными словами, отцы-основатели Урала выступают как демиурги и, шире, первопредки, родоначальники, от которых можно вести «отсчет».

Особенно ярко это выявляется на примере Никиты и Акинфия Демидовых, образы которых фактически замещают собой фигуру Петра I. В созна-

нии населения они неотделимы от уральских земель и заводов. Каждый из них не только обобщенный образ культурного героя, но и основатель своего родового дела, от качества ведения которого полностью зависят жизнь людей, их будущее, продолжение рода. Как государь выступает гарантом стабильности и уверенности в завтрашнем дне для своих подданных, «отцом» своему Отечеству, так и глава локального «государства» должен быть кровно заинтересован в тех, кому обязан своим благосостоянием. Условно говоря, права и обязанности владельца по отношению ко всем приписанным к заводу рабочим должны сохраняться и последовательно передаваться во времени, чтобы обеспечивать некое равновесие, статус-кво. Любое отступление от устоявшейся традиции, от узаконенного временем и пережитого опытом мыслится как «разрыв», трагический разлом на непрерывном пути от прошлого к будущему.

Подтверждением этих мыслей служит тот факт, что в уральском фольклоре четко разграничиваются предания о «первом Демидове» и «заводчиках» вообще, без конкретизации. Предания «о начале» Демидовых группируются вокруг сюжетов о происхождении («не Демидов он был, Антуфьев», «из тульских оружейников»), о его богатырской силе и состязании в ней (пятаки и подковы руками ломает), смекалке (изготавливает оружие, которое нельзя отличить от «аглицкого»), прямоте и бесстрашии (например, в разговорах с Петром I), а также о первооткрывателе железной руды Ермаке и искусном кузнеце Демидове. Тем самым народ «перерабатывал» факты истории в соответствии со своим мировоззрением, и мифологический герой поглощал собой реальную историческую личность. Фактически об этом же пишет М. Элиаде, констатируя определенную антиисторичность коллективной памяти: «...Народная память с трудом удерживает “индивидуальные” события и “подлинные” лица. В своем функционировании она опирается на отличные от истории структуры: использует категории вместо событий, архетипы вместо исторических персонажей. Историческое лицо ассимилируется со своей мифической моделью (герой и т. п.), а событие интегрируется в категорию мифических действий (борьба с чудовищем, братом, ставшим врагом, и т. д.)» [Элиаде, 98].

А. И. Лазарев приводит записи устных рассказов, в которых имя Демидова часто вытесняет имя истинного основателя завода. «Например, в Кусе не помнят строителя местного чугунолитейного завода Лугина, зато хорошо знают предания о заслугах и чудачествах «первого Демидова». Как он с Петром встретился, как пушку отлил, которая еще в «гражданку» воевала» [см.: Лазарев, 54]. Явную тенденцию к идеализации отметил и Д. Н. Мамин-Сибиряк: «Потомство позабыло дурные стороны Акинфия Демидова, и его имя пользуется большой популярностью. Еще и теперь на Демидовских заводах можно встретить детей служащих с именем Акинфий» [Мамин-Сибиряк, 147]. Суровость и жесткость, «твердая рука» и «железная воля» (несомненно, свойственные настоящим Демидовым) отнюдь никуда не исчезают и не заслоняются. Эти качества только «положительно фольклоризируются», наделяются коннотациями естественного и должного, поскольку априори должны быть присущи харизматичному, экстраординарному первопредку.

По отношению к Строгановым деисторизация стремится к пределу. П. И. Мельников-Печерский приводит невероятную по уровню абстракции легенду, относящуюся ко времени устройства первого соляного промысла на Урале в 60-х гг. XVI в. и основанию Орла-города: «На этом месте в старину стоял огромный кедр, и на этом кедре свил себе гнездо орел величины и силы необыкновенной. Он был ужасом окрестностей: похищал мелкий скот и даже детей. Никто не отваживался убить этого хищника, все боялись близко подойти к гнезду его и, тревожимые страхом, оставляли его в покое. Аника Строганов сам решил убить эту птицу, отправился к гнезду ее и успел в своем намерении. Место, на котором был кедр, понравилось ему, и он решил тут устроить городок. Вскоре тут нашли соляные ключи, и началось солеварение. Городок же оставил за собою название Орла-города, в память пернатого хищника, прежде тут обитавшаго» [Мельников-Печерский, 542–543]. Есть и другая версия: «орлом» был назван один из Строгановых, который вызволил из татарского плена великого князя Василия Васильевича, за что и получил в награду уральское угодье [см.: Лазарев, 47].

Аллюзии на древнейший пласт мифологических представлений более чем прозрачны: кедр здесь соотносится с образом мирового дерева — дерева жизни, непременным атрибутом которого выступают птицы. Орел в ряде традиций — наиболее царственная птица, «первоцарь», учредитель иерархии, а также символ власти [см. об этом: Иванов, Топоров, 389–406]. И Аника Строганов приобретает черты культурного героя уже богатырского типа, в лучших традициях героического эпоса противостоящий хтоническим «чудовищам», которые угрожают мирному существованию людей. Совершенный подвиг символизирует утрату влияния стихийных сил природы и акт «творения культуры» — закладку города.

Тот же А. И. Лазарев, пересказывая данную генеалогическую легенду, определяет ее как «распространенный мотив» [см.: Лазарев, 47], однако не совсем понятно, на чем основывается это утверждение. К сожалению, ни указаний на источник записи, ни других сведений, свидетельствующих о ее «распространенности», которые позволили бы сделать более развернутые выводы, найти пока не удалось.

Вообще, в рассказах об уральских солеварях героических мотивов в избытке: «Тут Строгановы татар били, там татары поймали Строгановых и мучили их, вымогая признания, где зарыты их соколовица. Вон на этой горе они изжарили на медленном огне старика, а рядом один из Строгановых схватил изуверов и 12 человек их закопал живьем в землю...» [Немирович-Данченко, 562]. О примерах ментальной укорененности свидетельствует В. Н. Немирович-Данченко, резюмируя топонимическую легенду о Строгановском холме: «Будь этот курган на Волге, его бы приписали Стеньке Разину, а на Каме до Перми — Ермаку Тимофеевичу. Здесь же все такие урочища связывают непременно с именем Строгановых» [Там же, 168]; «Народ здесь, как и везде. Что бы кем ни было сделано — припишут Строгановым, что бы с кем ни случилось — случилось со Строгановыми» [Там же, 562].

В свою очередь, и предания о «прочих Демидовых» представляют собой разветвленную сюжетно-тематическую сеть. Лейтмотивом в них проходят стран-

ности и причуды заводчиков, их жестокий произвол и преступное богатство. Симптоматична обратная типологизация: в одном образе собираются всевозможные негативные характеристики, имеющие под собой, конечно, исторические основания, но нередко гиперболизированные. Заводовладельцы, все как один, кровожадны, ненасытны, похабны, ведут бессмысленный, паразитический образ жизни, совершающие «скуки ради» самые неожиданные поступки. Часто акцентируется такая черта, как самодурство. В частности, в записях 60-х гг. XX в. в Висиме встречаем:

Вот что рассказал мне дед о самодурстве Демидовых. В рождество приехал Федор Павлович Демидов в гости к Бекману. Бекман был управляющим в Висимо-Уткинске. Немец по национальности. Так вот приехал к нему Демидов в тулупах и с женщиной. Отгостил. Бекман и приглашает его в гости на Петров день. А Федор Павлович и говорит: «Приеду в этой же одежде и на этих же лошадях». А Петров день в самую жару бывает. Ну, Бекман и удивился, а тот все свое. Пришел Петров день. Приказал Демидов через пять верст расставить пудовики с солью и лошадей. Приехал ведь! Через пять верст менял лошадей и дорогу солью посыпал, а одеты были все в шубах. Вот что делали люди по самодурству [цит. по: Кругляшова, 1967, 58].

От отца я слыхивал, что весной, когда караван Демидова гнали, если спадала вода, и караван заседал, то Демидовы покупали вершок воды за тысячу рублей у Ревдинского помещика [Там же, 59].

В записи от 1936 г. В. П. Бирюковым зафиксирован следующий меморат: к пасхальной заутрене дочкам Демидова не успели сшить праздничные салопы. Странствующие портные работали, получив заказ, дни и ночи, но все же не смогли сделать в срок, так как материал, специально выписанный из Парижа, прибыл слишком поздно. И вот Демидов отдает приказ не начинать молебна, пока не будут изготовлены костюмы. Тысячи людей стояли и томились в церкви, ожидая выхода хозяина [см.: Урал в его живом слове, 88].

В классификации В. П. Кругляшовой выделяются сюжеты и о других «сумасбродствах»: «мыли лошадей шампанским», «поцелуй за тысячу рублей», «окрошка с французским портвейном», «разжигание костра (самовара) деньгами» [см.: Кругляшова, 1974, 138]. Тема жестокости также широко варьируется. Известны сюжеты о праве «первой ночи», о том, как Демидов замуровывал людей в стены, бросал в жерла доменных печей, как проиграл (выиграл) в карты завод (людей), как девок воровал, над должниками измывался, заставлял по копейке миллионы считать.

Символом произвола Демидовых стала история легендарной Невьянской башни, до сих пор окутанная загадками, тайнами и полуфантастическими «воспоминаниями». По преданиям, именно в ее подвалах заводчик утопил сотни рабочих, скрывая от царской ревизии незаконное производство серебряных рублей. В. И. Немирович-Данченко, побывавший на Урале в 1875 г., отмечает, что «всякий мальчик порасскажет вам о делах того минувшего, несчастного времени, которое до сих пор считают чуть ли не золотым веком» [Немирович-Данченко, 367–368].

Любопытно, что, комментируя специфическую архитектурную особенность башни (она наклонная, «падающая»), тот же Немирович-Данченко записывает следующую версию:

- Вы знаете, почему, по народному толкованию, покосилась эта башня?
- Почему?
- Видите, грехов на ней много. Потому и осела она. А рухнет она тогда, когда на потомках Демидова оправдается библейское предание: око за око, зуб за зуб! Тогда в ней и надобности не будет [Немирович-Данченко, 671].

Схожее объяснение встречаем и у П. П. Семенова-Тян-Шанского, естественно-научное мировоззрение которого не помешало отразить в фундаментальном географическом исследовании народную молву: «В этой башне и в страшных ее подземельях с жестокостью того времени расправлялись со всеми почему-либо неприятными и опасными людьми... Много творили различных ужасов, от которых будто бы и камни покосились» [Семенов-Тян-Шанский, 410].

Народное толкование отразило очевидный для него процесс умственной и моральной деградации рода Демидовых. Вместо богатырски сложенного и удалого кузнеца Никиты, на равных общавшегося с Петром I, здесь фигурируют, по выражению А. И. Лазарева, «легковесные “фитильки”, хилые или, напротив, обрюзгшие, “жирные”, разодетые по заграничной моде люди, ничего не понимающие в горнозаводском деле» [Лазарев, 52]. В преданиях отчетливо прослеживается мысль о постепенном отрыве Демидовых от национальных корней, от родной почвы, взрастившей их. Часто говорится о многолетнем пребывании «хозяина» за границей; однозначно осуждается прожигание жизни и мотовство членов его семьи, многие из которых и в глаза не видели Урала.

Столь живые реакции со стороны на деградацию наследников и вообще на сколько-нибудь заметные семейные коллизии не в последнюю очередь обусловлены позицией самих заводчиков, у которых очень рано появляется ощущение исключительности своего рода. Это отражается и в приобретении дворянских титулов, и в их стремление облагородить кровь посредством браков со знатными российскими и иностранными фамилиями, и в создании генеалогических мистификаций о легендарных основателях рода. Ярким репрезентантом стал открыто насаждавшийся культ заводовладельцев среди населения.

Итогом этих интенций стало всеобъемлющее проникновение «горной аристократии» как в быт, так и в бытие местного населения. Завод «навязывает» ему иные масштабы времени и пространства, иные модели социального структурирования. Предпринимательские роды не только выстраивают уральский мир «под себя», становятся единственно возможными гарантами социально-экономических условий жизни (да и жизни вообще), но и стремятся определять духовную атмосферу, затрагивают некие онтологические, фундаментальные основы сознания («Тогда и говорили: на кого работаем? На Демидова работаем. Как на свадьбах поминали Господа Бога, так и Демидова. А кто его в лицо-то видел?» [Предания и легенды Урала, 151]). Отсюда тотальная мифологизация практически всего, что коррелирует с фамилиями Демидовых, Строгановых или Турчаниновых.

Фольклорные по своей сущности нарративы составляли обширный сегмент поля уральской словесности. Без какой-либо «адсорбации» они свободно вплетались в сюжетную канву литературных произведений («Старая башня» А. Н. Толстого, «Каменный пояс» Е. Федорова, «Сказание о Старом Урале» П. Северного), публицистических очерков («Кама и Урал» В. И. Немировича-Данченко, «От Урала до Москвы» Д. Н. Мамина-Сибиряка) и даже биографических исследований («Демидовы. Историческое повествование с портретами» И. М. Шакинко, «Демидовы: их жизнь и деятельность» В. В. Огаркова, «Тайны Демидовых» М. Рафикова). Тем самым народное мифотворчество под пером писателей и ученых как бы легализовалось, приобретало профессиональный статус и, подчиненное авторской художественной идее, сейчас воспринимается уже как некий *неомиф* — миф, выведенный на новый уровень обобщения. Можно вести речь и о явлении *демифологии*, при котором вымышленные либо фактически не подтвержденные данные внедряются в исторический контекст и становятся полновесными его элементами. Ими оперируют в жизнеописаниях, к ним апеллируют при аргументации той или иной точки зрения.

В свою очередь, влияние «слова» (публицистических очерков, литературных произведений, публичных выступлений, частной переписки) Д. Н. Мамина-Сибиряка и П. П. Бажова на традицию восприятия Демидовых и Турчаниновых также приобретало поразительные масштабы. С одной стороны, это говорит о гениальном чутье, позволявшем писателям «выхватывать» самую суть явления или личности и талантливо переводить ее в модус художественности так, что та обретала вторую реальность. Но оборотной стороной стал тот факт, что профессиональные историки также проникались безусловным авторитетом «знатоков уральской жизни», не делая никаких скидок на творческую природу их текстов. Не секрет, что даже сегодня, за неимением полноценных исследований, сказы Бажова остаются одним из немногих «источников» информации по роду Соломирских (одна из «ветвей» Турчаниновых).

Фактически история о Демидовых, Турчаниновых, Строгановых представляет собой перечень гипотез, версий (в том числе искусственно поддерживаемых), переходящих из исследования в исследование, из жанра в жанр, из *Oral History* в научные способы нарративизации, из одной языковой ипостаси в другую. И вряд ли проблема сводится только к малому числу архивных и документальных источников. Нет сомнений, что объективно существующий в массовом сознании миф об уральских династиях заводладельцев определенным образом повлиял на стратегии их исторического исследования. Не пытаясь выйти за границы доминирующего восприятия горнозаводчиков как сакральных и культовых для данной местности (речь идет о значимости и стабильно высоком интересе, а не о конкретных позитивных или негативных оценках), научные построения зачастую приобретают агиографические очертания. Иначе говоря, многие моменты, касающиеся биографий и родословий, *канонизируются*.

Включение фольклорно-мифологических жанров в структуру исторического повествования типологически сходно с широким использованием преданий

в составе раннеисторических письменных текстов — летописей и хроник. Ссылки на устную традицию тогда служили гарантией аутентичности, истинности. Объяснение «терпимому» к ним отношению «более рациональной» истории, по-видимому, следует искать в кризисе классической теории исторического факта, в признании его пластичности, ускользании, манипулируемости. Мифопоэтический нарратив же ценен прежде всего своей стабильностью, устойчивостью и отлаженным веками механизмом хранения и передачи культурно-исторической памяти.

Подводя итоги, отметим, что заявленная нами мифология о Демидовых, Строгановых и Турчаниновых вербализуется на трех уровнях:

1) в фольклоре (преимущественно несказочная повествовательная проза в среде горнозаводского населения, отразившая социальную значимость и определяющую роль горнозаводчиков в истории Урала);

2) в среде самих заводовладельцев (нормативно-ценностные установки);

3) в комплексе литературных, публицистических, исторических текстов (авторское восприятие предпринимательских династий).

Мифотворчество зарождается и функционирует в каждой из этих сфер, однако влияние мифа «верхов» (горнозаводской элиты, символизирующей социальную власть) как первичного, «материнского» представляется односторонне воздействующим, а другие два активно взаимодействуют и обуславливают развитие друг друга. Цельность мифа обеспечивается включенностью представителей Демидовых, Строгановых или Турчаниновых в такие образования, как род, династия, поколение, фамилия, семья, семантически опознаваемые как способ интеграции. Именно архетипические модели, восходящие к глубинному ощущению себя частью рода и актуализируемые в качестве принципа выстраивания жизненного пути, становятся, на наш взгляд, фундаментом этой локальной горнозаводской мифологии. При этом род, осмысляемый в категориях культурно-исторической памяти и традиции, несет в себе мощный организующий потенциал, теоретически применимый к любой общности в целях ее самоидентификации.

Балла О. Мифология мифа // Знание — Сила. 1999. № 9—10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.znanie-sila.ru/online/issue_564.html.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира : энциклопедия. Т. 1. М., 1980. С. 389—406.

Кругляшова В. П. Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим). Свердловск, 1967.

Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.

Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972.

Левкиевская Е. Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их сакрализации // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. М., 2000. С. 67—91.

Макаров А. И. Образ Другого как образ памяти : (методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // Диалог со временем : альм. интеллект. истории. Вып. 18. М., 2007. С. 6—18.

- Мамардашвили З.* Философские чтения. СПб., 2002.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* От Урала до Москвы // Собр. соч. : в 12 т. Т. 12. Свердловск, 1951.
- Мельников-Печерский П. И.* Дорожные записки // Полн. собр. соч. : в 8 т. 2-е изд. Т. 7. СПб., 1909.
- Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал : (очерки и впечатления). СПб., 1890.
- Новопашин С. А.* Уральский миф. Создание мифологем как фактор успешного брендинга. Екатеринбург, 2007.
- Предания и легенды Урала.* Свердловск, 1991.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Россия. Полное географическое описание нашего Отечества : настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 5 : Урал и Приуралье. Екатеринбург, 2005.
- Урал* в его живом слове: дореволюционный фольклор / собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.
- Элиаде М.* Миф о Вечном возвращении. М., 2002.

Статья поступила в редакцию 3.09.2009 г.

УДК 821.162.1 + 82-312.1

Л. А. Мальцев

ИНФЕРНАЛЬНЫЙ МИР РОМАНА В. ГОМБРОВИЧА «ФЕРДИДУРКЕ»

Обосновывается принцип своего рода диалектики инфернального мира — единства и борьбы «порядка» и «разлада», положенных в основу художественной структуры романа Гомбровича «Фердидурке», одного из ранних произведений польского экзистенциализма. Утверждается, что центральное место в экзистенциальной концепции Гомбровича занимает проблема противостояния человеческого «я» инфернальному миру.

Ключевые слова: Витольд Гомбрович, экзистенциализм, противостояние человека и инфернального мира.

Роман Витольда Гомбровича «Фердидурке» (1938), вышедший практически одновременно с «Тошнотой» Сартра, дал «польскую формулу экзистенциализма» [Sandauer]. Эта философия в образах была «запасным путем» важнейшего направления литературно-философской мысли XX в. По мнению Кундеры, «то, что “Тошнота”, а не “Ferdydurke” стала образцом новой ориентации, имело досадные последствия: первая брачная ночь философии и романа нагнала на обоих лишь скуку» [Кундера, 256]. Общность Гомбровича и Сартра в том, что оба писателя-философа принадлежат атеистическому типу экзистенциализма. «Расставание с Богом... — пишет, например, Гомбрович, — произошло во мне гладко и незаметно, не знаю, как так случилось, что на пятнадцатом или на четырнадцатом году жизни я перестал интересоваться Богом» [Gombrowicz, 2004, 15]¹. По мнению литературоведа и философа М. П. Марковского, одно из